

«Особинка» старинного города

Александр Иванович ПОТЕХИН, доктор физико-математических наук, директор Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете.

Геннадий Григорьевич МАТВИЕНКО, доктор физико-математических наук, директор института оптики атмосферы.

Андрей Михайлович КАБАНОВ, кандидат физико-математических наук.

Сергей Григорьевич КОРОВИН, доктор физико-математических наук, директор института физики прочности и материаловедения.

(Продолжение. Начало на 7-й стр.)

Что касается конкретики, то мы занимаемся физикой металлов и сплавов, конструкционных материалов, полупроводников, радиофизикой и радиоэлектроникой. Как видите, одно перечисление говорит о том, что многопрофильность и системность исследований налицо. Близость к ТГУ позволяет это. В институте много аспирантов. Все приходит со своими идеями. Некоторая наша всеядность позволяет молодым заниматься тем, что их особенно интересует на новых направлениях науки. Если вспоминать, то именно новое направление привело к созданию академического института оптики атмосферы. Впрочем, как и института физики прочности и материаловедения, где появились многочисленные разработки, научным руководителем которых был академик Виктор Евгеньевич Панин.

Совсем недавно у нас создан новый институт — медицинских материалов. Он быстро превратился в один из ведущих в мире в области медицинских материалов и конструкций с памятью формы. Во всем этом тоже проявлялась специфика, которую обрела томская наука в своем развитии. Кроме всего прочего, у наших специалистов была хорошая инженерная подготовка. Прежде всего у выпускников политехнического института. Институтские структуры ТГУ позволяют на хорошем уровне выполнять все: от начала до конца, до реализации разработки. Но не только... Мы еще с тридцатых годов привыкли адаптироваться, приспосабливаться к переменам и требованиям, менять свои подходы при решении возникающих проблем.

— В чем же вы все-таки преуспели и получили признание, хотя бы в последние годы?

— Я уже вам сказал... Например, в медицинских материалах. У нас более 250 патентов, есть своя клиника. К нам приезжают лечиться отовсюду. В том числе из Франции, Канады и Соединенных Штатов. Материалы с памятью формы — скорее не мода, а актуальная потребность. В частности, материал на основе никелида титана. Мы провели весь цикл исследований, необходимый для использования нового материала. Чтобы получить разрешение Минздрава для его применения при лечении. Теперь можем делать с этим материалом все, что нам нужно: выпускать его литым, пористым, с управляемыми размерами. Он заменяет кости человека, «прорастает». Мы научились делать наноразмерную нить, производить вязаное волокно, успешно замещающее живую ткань пострадавшего человека. Например, ткань брюшной стенки.

Не столь мощно, но развивается и другое направление — по физике полупроводников и полупроводниковых приборов. По признанию ЦЕРНа, в этой области нас относят к ведущим исследователям в мире. Например, по работам с арсенидом галлия. Очень востребованный материал. Мы учим специалистов, как работать с новыми материалами, как лечить больных, когда наши разработки применяются. Врачи даже изучают у нас, физиков, методику оперирования. Мы создали большой центр медицинской физики. В ТГУ готовят кадры по новой специализации. А лидер направления — профессор Виктор Эдуардович Гюнтер. Он Президент Международной академии материалов и конструкций с

памятью форм. А его заместитель — профессор из Японии.

...Неразрывность и многообразие связей томских вузов с академическими институтами, в том числе и новосибирскими, проявляются в разных вариантах. Но самый впечатляющий из них — кадры ТГУ, политехнического института и других вузов, которые «осели» в Томском научном центре. В свое время Новосибирск, как признавал академик Михаил Алексеевич Лаврентьев, ограбил Томск по кадрам. В нашем городе среди действительных членов РАН, выучившихся в Томске, академики Конторович, Накоряков, Курленя и очень многие доктора и кандидаты наук. Но и те, что остались в Томске, вписали в историю отечественной науки не одну славную страничку. Об этом вспоминали на встрече директор института оптики атмосферы Геннадий Григорьевич Матвиенко, доктор физико-математических наук Валерий Петрович Аксенов и заместитель заведующего лабораторией, докторант Андрей Михайлович Кабанов.

С помощью лазера

— В жизни нашего института роль академика Владимира Евсеевича Зуева трудно переоценить, — сразу же подчеркнул Матвиенко в своем рассказе. — Я его знал со студенческих лет. И считал тогда, да и сейчас, что, когда перед молодыми выступает лидер научной школы, он должен так говорить, чтобы все было понятно и увлекательно. Зув при той давней встрече с нами, студентами, занимался созданием нового института. И некий образ его уже «сидел» в голове профессора. Потому мы поняли, изучив документы той поры, как широко, масштабно он институт замысливал. Речь шла об атмосферной оптике и спектроскопии, о квантовой электронике и о распространении оптического излучения в атмосфере, об исследовании процессов, определяющих оптическое состояние атмосферы, наконец, о создании оптико-электронных систем и технологий по изучению окружающей среды, о приемных устройствах сверхбыстрых сигналов или процессов. Такого сочетания оптики и детекторных устройств с квантовой электроникой, вообще говоря, нигде тогда не замечалось.

Наверное, намеченная им тематика была несбыточной для тогдашнего института. Некоторые направления со временем отпали. По разным причинам. Но сами намерения, мысли ученого были воистину масштабны.

Когда мы учились, Зуев предлагал нам взять темы для курсовых и дипломных работ по оптике атмосферы. Помните, что тогда он заявлял нам:

— Лазеры появились шесть лет назад, и сейчас еще никто не знает, что уже в ближайшее время они найдут в мире самое широкое применение. Ими, например, будет заменена вся техническая база физической метеорологии. Уйдут в прошлое баллоны с измерительной аппаратурой. Мы предлагаем использовать лазеры для исследования такой полупрозрачной среды, как атмосфера. Лазер выстрелит один раз в атмосферу, примут от него рассеянный сигнал, и появится возможность говорить обо всем том, что нас в атмосфере интересует.

— Цена одного измерения с помощью лазера, — утверждал Зуев, — копейки.

Увы, с конейками оказалось...

не так. Институт до сих пор исследует атмосферу лазерами. Но ныне лазер считается чуть ли не самым дорогим инструментом при исследовании атмосферы. Для его работы используются дорогие сапфиры, гранаты, рубины, алмазы и даже изумруды. Кроме того, позднее появились ограничения по влиянию лазеров на различные живые объекты в окружающей среде.

Однако первые проведенные исследования помогли лучше понять взаимодействие оптических полей с атмосферой. Теперь мы используем другие длины волн — они безопасны для глаз. И совсем другие уровни мощности, тоже безопасной для окружающей среды. Используются и те лазеры, для которых требуется специальное разрешение.

Сейчас все понятней. А тогда каждый радиозонд стоил около сотни рублей, а лазерная вспышка, мол, одну копейку. Ясно, что предполагаемая дешевизна лазеров воодушевляла и привлекала. Я учился в то время на физфаке ТГУ на кафедре оптики и спектроскопии, и, конечно, выступление Зуева рождало представление о безграничных возможностях науки. Увлеченные им, мы пошли слушать целый ряд курсов на радиофизический факультет, на кафедру оптоэлектронных приборов, которую и возглавлял тогда еще не академик, а профессор Зуев. Когда же поступил работать к нему в институт, то Владимир Евсеевич сориентировал меня как раз на лазерное зондирование. Им я и до сих пор занимаюсь.

...Научное направление по распространению мощных лазерных потоков в атмосфере, поведаль Геннадий Григорьевич, развивается и в наши дни. Есть такое понятие — стратегическое лазерное оружие. Так вот в нижней атмосфере его применять невозможно. Атмосфера ставит предел. Создатель всего сущего, шутил Матвиенко, был все-таки гуманистом. Поэтому такие задачи, как уничтожение внеатмосферных объектов лазерными системами, которые расположены на земле, уходят поменьше в прошлое. Но наука в последние годы нацупылась все же пути, когда атмосфера...

...сдается. И дает возможность лазером поражать объекты на любых расстояниях при определенных уровнях мощности. Эту сла-

бину атмосферы наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

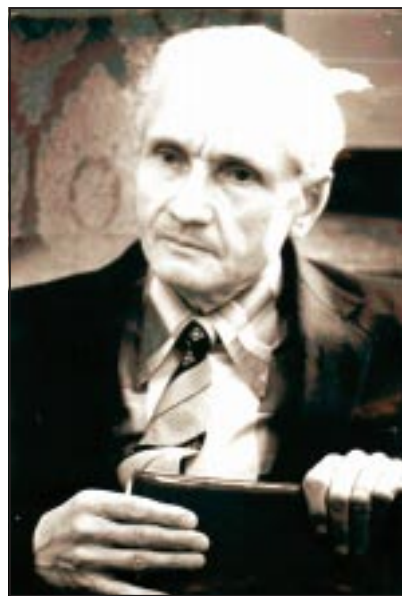
— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

Академик Владимир Евсеевич ЗУЕВ, основатель института оптики атмосферы.

на каждом диспетчерском часе. Некоторые из пресс-форм в институте Зуева рождало представление о безграничных возможностях науки. Увлеченные им, мы пошли слушать целый ряд курсов на радиофизический факультет, на кафедру оптоэлектронных приборов, которую и возглавлял тогда еще не академик, а профессор Зуев. Когда же поступил работать к нему в институт, то Владимир Евсеевич сориентировал меня как раз на лазерное зондирование. Им я и до сих пор занимаюсь.

...Научное направление по распространению мощных лазерных потоков в атмосфере, поведаль Геннадий Григорьевич, развивается и в наши дни. Есть такое понятие — стратегическое лазерное оружие. Так вот в нижней атмосфере его применять невозможно. Атмосфера ставит предел. Создатель всего сущего, шутил Матвиенко, был все-таки гуманистом. Поэтому такие задачи, как уничтожение внеатмосферных объектов лазерными системами, которые расположены на земле, уходят поменьше в прошлое. Но наука в последние годы нацупылась все же пути, когда атмосфера...

...сдается. И дает возможность лазером поражать объекты на любых расстояниях при определенных уровнях мощности. Эту сла-

бину атмосферы наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Переубедить академика могла обычно только научная мо-лодежь. В том случае, если она проявляла инициативу и делом доказывала, что права. Тогда академик, как атмосфера, сдавался и скреплял инициативу молодежи своим согласием или решением. Но уж если дела нет или оно испорчено, то жди... буйи.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

бую атмосферу наука сейчас тщательно изучает.

Судя по рассказам ученых (особенно Валерия Петровича Аксенова и Сергея Викторовича Панина), Зуев был фанатиком науки. Никакого небрежения он не допускал и не прощал. Один ученый даже сказал, что в нем, как каза-лось, не было ничего человеческого. Конечно, это не так, но строгий был человек, очень строгий. Однажды он узнал, что в институт принимают на работу какого-то троечника после ТГУ.

— Как же так?! — возмутился он. — Нам нужны лучшие, а не троечники.

Но его убедили (редко, но это было возможно), что троечник очень рукастый молодой человек, все может смастерить. Для инженерной работы вполне подходящий специалист. Владимир Евсеевич не поверил и примерно полдню проверял работу троечника.

Однажды в список на поощрение забыли включить ветерана института. Владимир Евсеевич так огорчился и негодовал, что список порвал и приказал его переделывать. Словно несправедливость была проявлена к нему, Герою Социалистического Труда и фронтовику.

Дотошность его в любом деле не знала предела. Когда проводились лыжные соревнования, то выходил на трассу сверка сам Зуев вместе с секретарем парткома, председателем профкома и комсоргом. Потом он скрупулезно отмечал, что выходил на лыжно, а кто — нет. Так как спорт считал очень важным для самочувствия и творчества ученого. Сам он, всегда аккуратный и худощавый, мог почти в шестьдесят лет пробежать спринтерскую дистанцию с молодежным результатом. За свой институт, пусть уж извинят меня за гру-

Валерий Петрович АКСЕНОВ, доктор физико-математических наук, институт оптики атмосферы.

Сергей Викторович ПАНИН, кандидат физико-математических наук, председатель совета научной молодежи томского центра.

Борис Михайлович КОВАЛЬЧУК, академик.

Сергей Дмитриевич КОРОВИН, академик, председатель президиума Томского научного центра, директор института сильноточной электроники.

Сильноточный импульсный наносекундный ускоритель.

(Окончание на 10-й стр.)